

Лизи Харрисон
Школа монстров
Серия «Школа монстров»
Серия «Школа монстров», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2359045
Лизи Харрисон. Школа монстров: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-48832-2*

*Оригинал: LisiHarrison, "Monster High"
Перевод:
Оксана М. Степашкина*

Аннотация

В образцовой американской глубинке переполох: городок Сейлем захвачен монстрами! Их, правда, пока еще никто не видел, но в Мерстонской школе активно обсуждается такая возможность и более того, проводятся учения по отражению атаки страшной нежити. Вот бы все удивились, если бы узнали... Впрочем, обо всем по порядку. Начинается история с того, что в Сейлем из Беверли-Хиллз переезжает семейство Карверов с очень непростой дочуркой Мелоди, а местные старожилы, ученые-биологи Штейны, знакомят общество с неожиданно появившейся у них дочкой – Фрэнки. Далее по сценарию – любовь-морковь, страсти-мордасти, ревность и монстры, монстры, монстры...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	28
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Лизи Харрисон

Школа монстров

Ричарду Эбейту – моему преданному другу, блестящему агенту, любителю жвачки и неутомимому участнику мозговых штурмов. Тысяча тысяч благодарностей!

Хотелось бы также отдельно поблагодарить Барри Уолдо, Синди Ледерманн и Эрина Штейна (нет, они с Фрэнки не родственники!) за то, что верят в меня. Вы меня все время подзаряжаете!

И я бы ни за что не смогла написать «Монстров-старшекласников», если бы не Кевин Харрисон, Люк и Джесс, Алекс Коннер, Логан Клер, Джим Киик, Хэлли Джонс, Джоси Ороско, Шалия Готтлиб и Кен Готтлиб.

Пролог

Густые ресницы Фрэнки Штейн дрогнули и разомкнулись. Перед глазами замелькали ослепительно-белые вспышки. Она пыталась полностью открыть глаза и сфокусировать взгляд, но веки казались слишком тяжелыми. В комнате стало темно.

– Кора головного мозга загружена, – сообщил низкий мужской голос, в котором слышались удовлетворение и усталость одновременно.

– Она может нас слышать? – спросила женщина.

– Она может слышать, видеть, понимать и идентифицировать более четырехсот предметов! – с гордостью ответил он. – Если я продолжу заполнять ее мозг новой информацией, через пару недель она будет обладать интеллектом и всеми прочими способностями средней пятнадцатилетней девочки.

Он помолчал, подумал.

– Ну хорошо: не совсем средней, несколько умнее. Но тем не менее это будет пятнадцатилетняя девочка.

– О Виктор, это самый счастливый миг в моей жизни! – всхлипнула женщина. – Она само совершенство!

– Я знаю! – Мужчина тоже шмыгнул носом. – Идеальная папина доченька!

Они по очереди поцеловали Фрэнки в лоб. От одного из них пахло химикатами, от другой – цветами. И то, и другое означало любовь.

Фрэнки снова попыталась открыть глаза. Но на этот раз ее веки еле трепыхнулись.

– Она моргнула! – воскликнула женщина. – Она пытается посмотреть на нас! Фрэнки, я Вивека, твоя мамочка! Ты меня видишь?

– Нет, она не может тебя видеть, – ответил Виктор.

Тело Фрэнки возмущенно напряглось. Отчего это кто-то позволяет себе решать, что она может, а что нет? Глупости какие!

– Почему? – спросила ее мать за них обеих сразу.

– Ее аккумуляторы почти разряжены. Нужно ее подзарядить.

– Так заряди ее!

«Да-да, зарядите меня! Зарядите! Зарядите скорей!»

Фрэнки сейчас больше всего на свете хотелось поскорее увидеть эти четыреста предметов. Рассматривать лица своих родителей, пока они добрыми голосами объясняют ей, что есть что. Вскочить на ноги и начать исследовать мир, где она только что родилась... Но она не могла даже шевельнуться.

– Я не могу заряжать ее, пока все детали не встанут на место, – объяснил отец.

Вивека расплакалась, и эти слезы уже не были похожи на слезы радости.

– Все в порядке, дорогая, – проворковал Виктор. – Еще несколько часов, и она будет совершенно стабильна!

– Дело не в этом! – Вивека резко втянула в себя воздух.

– А в чем же тогда?

– Она такая красивая, такая талантливая, и все же... – Она снова всхлипнула. – У меня просто сердце разрывается, как подумаю, что ей придется жить... ну, ты понимаешь... так же, как нам.

– Ну, а мы что, плохо живем, что ли? – спросил он. Однако нечто в его тоне говорило, что он понимает, о чем идет речь.

Она хмыкнула.

– Ты шутишь, да?

– Ну, это же не навсегда! – сказал Виктор. – Рано или поздно ситуация переменится. Вот увидишь.

– Да? И кто же ее переменит?

– Ну, я не знаю. Кто-нибудь... когда-нибудь.

– Что ж, надеюсь, мы до этого доживем, – вздохнула Вивека.

– Доживем! – заверил ее Виктор. – У нас, Штейнов, век долгий!

Вивека хихикнула.

Фрэнки отчаянно хотелось узнать, что это за ситуация такая и как ее нужно переменить. Но спросить об этом она уже никак не могла: аккумуляторы окончательно сели. Голова сделалась легкой-легкой, а тело невыносимо тяжелым, Фрэнки поплыла куда-то во тьму, откуда было уже не слышно голосов тех, кто стоял рядом с ней. Она уже не помнила, о чем они говорили, не ощущала их цветочного и химического запаха.

Оставалось только надеяться, что, когда она снова очнется, то, до чего хотела дожить Вивека, уже случится. А если не случится, то ей, Фрэнки, хватит сил сделать это для мамы самой!

Глава 1

Чудесный новый дом

Четырнадцатичасовая поездка из Беверли-Хиллз в Калифорнии в Сейлем в Орегоне была настоящей пыткой. Не поездка, а сплошное мзгоедство. И так девятьсот миль подряд. Мелоди Карвер спасалась только тем, что притворялась спящей.

– Добро пожаловать в Орегон! – буркнула старшая сестра, когда они пересекли границу штата. – Горегон! Дурегон! Или лучше назвать его Хмурегон? Или нет, лучше...

– Кандис, прекрати! – бросил папа, сидевший за рулем их новенького дизельного джипа BMW. Джип не только был зеленого цвета, но и соответствовал всем требованиям «зеленых». Покупка этой машины была лишь одним из усилий, предпринятых родителями с целью продемонстрировать будущим соседям, что Бо и Глория Карвер – не просто холеные и богатенькие персонажи голливудского сериала.

Помимо этого, они отправили вперед тридцать шесть коробок, наполненных байдарками, досками для виндсерфинга, удочками, фляжками, дивидюками с инструкциями по дегустации вин, экологически чистыми мюслями, походным снаряжением, медвежьими капканами, карманными рациями, «кошками» и ледорубами, пешнями, топориками, лыжами, берцами, шестами, сноубордами, шлемами, термобельем и пуховиками.

Но тут ливанул дождь, и Кандис разошлась еще пуще.

– Ну во-от, август в Бурегоне! – фыркнула она. – Прелесть, правда?

И закатила глаза. Мелоди не обязательно было смотреть – она и так знала, что Кандис закатит глаза. Однако же она подсмотрела сквозь опущенные ресницы, чтобы убедиться наверняка.

– Коко и Хлое будет так одиноко! – продолжала Кандис.

– Можешь общаться с ними по «Скайпу»! – посоветовала мама.

Мелоди невольно хихикнула. Коко и Хлоя были отнюдь не подружки Кандис, а ее груди: левая – Коко, правая – Хлоя. Она назвала их так в честь своих любимых дизайнеров и часто советовалась с ними. В общем, Кандис балансировала на тонкой грани между гениальностью и безумием с ловкостью цирковой гимнастки.

– Ы-ы-ы-ы! – Кандис негодуяще пнула ногой спинку маминого сиденья. Потом высморкалась и шлепнула Мелоди по плечу мокрым платком. Сердце у Мелоди отчаянно заколотилось, но ей удалось сдержаться. Проще не связываться.

– Нет, я все-таки не понимаю! – продолжала Кандис. – Мелоди пятнадцать лет дышала этим смогом и как-то все-таки выжила. Пережила бы и еще один год, ничего бы с ней не сделалось. Ходила бы в респираторе! Люди могли бы расписываться на нем, как на гипсе. Может быть, это вдохновило бы кого-нибудь на создание целой линейки аксессуаров для астматиков. Например, ингаляторы на изящной цепочке, или...

– Прекрати, Канди! – вздохнула Глория, измотанная этими спорами, которые длились уже целый месяц.

– А в следующем сентябре я уехала бы в колледж! – нудила Кандис, твердо намеренная оставить последнее слово за собой. Она была блондинка с идеальной фигурой – такие девочки привыкли получать все, что им хочется. – Можно было, в конце концов, подождать с переездом всего один год?

– Этот переезд пойдет на пользу нам всем. Мы решили переехать не только из-за того, что у твоей сестры астма. Мерстонская школа – одна из лучших школ в Орегоне. А кроме того, здесь мы будем ближе к природе, вдали от искусственной жизни Беверли-Хиллз!

Мелоди невольно улыбнулась. Их отец, Бо, был знаменитый пластический хирург, а мать работала персональным стилистом у звезд. Искусственность была их коньком. Они были рабами искусственности. И все-таки Мелоди была благодарна матери за то, что та из всех сил старалась защитить ее от нападок Кандис, которая считала, что они переезжают из-за нее. Потому что, конечно же, они переезжали именно из-за нее!

В этой семье образцовых представителей рода человеческого Мелоди Карвер была уродом. Аномалией. Чем-то из ряда вон выходящим.

Бо, несмотря на свои чисто американские корни, обладал экзотической итальянской красотой. Его черные глаза сверкали, точно озерная гладь в солнечный день. Улыбка у него была теплая, как кашемир, а на смуглой от природы коже, невзирая на его сорок шесть лет, не было ни единой морщинки. На его щеках топорщилась модная легкая небритость, и он умел грамотно пользоваться гелем для укладки волос. Мужчин среди его пациентов было не меньше, чем женщин. Всякий надеялся, что, сняв повязки, станет человеком без возраста... таким же, как Бо!

Глории было сорок два, но лицо у нее было безупречным: массаж и процедуры поддерживали ее кожу в идеальном состоянии, избавляя от необходимости прибегать к серьезным операциям. Казалось, будто она на шаг опередила остальное человечество, превратившись в какое-то существо иного вида, способное преодолевать земное тяготение и перестающее стареть после тридцати четырех. Волнистые каштановые волосы до плеч, глаза цвета морской волны, от природы пухлые губы, не нуждающиеся ни в каких инъекциях, – из Глории вышла бы идеальная фотомодель, будь она чуть повыше ростом. Все так говорили. Но Глория, чересчур подвижная и энергичная, всегда утверждала, что сделалась бы стилистом, даже если бы Бо нарастил ей ноги.

Счастливица Кандис унаследовала лучшее от обоих родителей. Она, как и подобает идеальной хищнице, всегда забирала все лучшее себе, так что младшей сестре доставались одни объедки. Она унаследовала голубые глаза Глории и солнечную улыбку Бо, смуглую кожу Бо и нежный румянец Глории. Ее точеные скулы вздымались, как мраморные перила. А ее длинные волосы, которые по желанию послушно завивались или распрямлялись, были цветом как сливочное масло, сдобренное расплавленной карамелью. Подружки Канди (и их мамочки) фоткали ее квадратную челюсть, твердый подбородок, прямой носик и показывали эти снимки Бо, надеясь, что его руки способны сотворить такое же чудо, какое некогда сотворили его гены. И, надо сказать, ему это удавалось.

Даже с Мелоди.

Мелоди всегда была уверена, что ее перепутали в роддоме, и потому никогда не придавала особого значения своей внешности. А смысл? Все равно подбородок у нее невыразительный, зубы похожи на клыки, а волосы прямые и черные. Просто черные. Никаких тебе полутеней и полутонов, никакого масла с карамелью. Черные, и все тут. Глаза, вполне себе зоркие глаза, были серо-стальные и прищуренные, как у сердитой кошки. Впрочем, на ее глаза никто обычно внимания не обращал. Все затмевал ее нос. Он состоял из двух шишек и провала между ними и выглядел совершенно как верблюд верхом на собаке. Впрочем, Мелоди это не волновало. С ее точки зрения, главным ее достоинством было умение петь. Учителя музыки были в восторге от ее звонкого голоса. Чистый, ангельский, западающий в душу, он завораживал всех, кто его слышал, слушатели рыдали от восторга и вскакивали на ноги после каждого ее выступления. Увы, к тому времени, как ей исполнилось восемь лет, в дело вмешалась астма и положила конец ее концертам.

Когда Мелоди окончила начальную школу, Бо предложил сделать ей операцию. Но Мелоди отказалась. Новый нос не избавил бы ее от астмы, а раз так, какая разница? Надо было только дотерпеть до старших классов. Девчонки поумнеют. Мальчишки повзрослеют. На первое место выйдут успехи в учебе...

Ха!

Когда Мелоди перешла в старшую школу Беверли-Хиллз, все стало только хуже. Девчонки звали ее Грушей из-за гигантского носа, а мальчишки ее вообще никак не звали. Они ее просто не замечали. Ко Дню благодарения она сделалась практически невидимой. Если бы не ее непрерывное сипение и прысканье ингалятора, никто бы вообще не замечал ее присутствия.

Бо не мог видеть, как его дочь – «у которой столько других достоинств!» – страдает. На Рождество он сообщил Мелоди, что Санта-Клаус разработал новую технологию ринопластики, которая позволяет открыть дыхательные пути и облегчить астму. Может быть, она даже снова сможет петь!

– Чудесно, чудесно! – Глория молитвенно сложила свои маленькие ладошки и с благодарностью посмотрела куда-то на потолок.

– И мы больше не увидим Рудольфа, носатого оленя! – съязвила Кандис.

– Кандис, речь идет не о внешности, а о здоровье Мелли! – осадил старшую дочку Бо, явно предвзято реагируя на Мелоди.

– Ух ты! Вот здорово! – И Мелоди бросилась папочке на шею, хотя была совсем не уверена, что форма носа имеет какое-то отношение к спазмам в бронхах. Но она предпочла сделать вид, что поверила ему: это давало хоть какую-то надежду. К тому же это было проще, чем признать, что родные стесняются ее лица.

На каникулах Мелоди сделали операцию. Придя в себя, она обнаружила у себя на лице ровненький, очаровательный носик, как у Джессики Бил, а на мелких, кривых зубах – аккуратные накладные виниры. К концу реабилитационного периода она похудела на пять килограммов и начала влезать в мамины «Gap» и «Gucci» (в основном «Gucci»). Увы, петь она по-прежнему не могла.

Когда она вернулась в школу, девчонки сделались приветливы, мальчишки пялились на нее, и даже колибри, казалось, подлетали ближе. К ней относились так хорошо, как ей никогда в жизни и не снилось.

Но счастливее Мелоди от этого не стала. Вместо того чтобы выпендриваться и строить глазки, она все свободное время лежала на кровати, зарывшись в одеяла. Она чувствовала себя, как металлическая сумочка ее сестры: снаружи вся такая красивая и блестящая, а внутри сплошной бардак. «Да как они смеют относиться ко мне лучше только оттого, что я хорошенькая! Я ведь осталась такой же, как и была!»

К лету Мелоди окончательно ушла в себя. Она одевалась в самую мешковатую одежду, никогда не расчесывалась, и единственной фенечкой в ее костюме был ингалятор, прицепленный на пояс.

Во время ежегодного семейного барбекю на Четвертое июля, на котором Мелоди обычно пела американский гимн, с ней случился такой сильный приступ астмы, что она попала в медицинский центр «Cedars-Sinai». Сидевшая в вестибюле Глория нервно листала журнал о путешествиях и наткнулась на роскошную фотографию Орегона. Она потом говорила, что ей показалось, будто со страницы на нее пахнуло свежестью. И когда Мелоди вышла из больницы, родители сообщили ей, что они переезжают. И тогда, впервые за все это время, ее безукоризненно симметричное лицо расплылось в улыбке.

«Здравствуй, милый Орегон!» – сказала она про себя, пока зеленый BMW катил вперед.

И, убаюканная ритмичным шуршанием «дворников» и стуком капель дождя, Мелоди мало-помалу заснула.

На этот раз – по-настоящему.

* * *

– Приехали! – объявил Бо и еще пару раз нажал на гудок. – Подъем, подъем!

Мелоди отлепила ухо от холодного оконного стекла и открыла глаза. Поначалу ей показалось, будто все вокруг окутано ватой. Но постепенно картинка стала четче, как проявляющийся снимок из «Полароида», – зрение приспособилось к туманному утреннему свету.

Кольцевая подъездная дорожка была перегорожена двумя фургонами, и дома за ней видно не было. Мелоди увидела только галерею, идущую вокруг всего дома, и крыльцо перед входом, которые выглядели так, словно были сложены из детского деревянного конструктора «Lincoln Logs». Это зрелище запомнилось Мелоди на всю жизнь. Так же, как и чувства, которые оно вызвало: надежда, восторг, страх перед неизвестностью туго сплелись воедино, создавая новое, четвертое чувство, не поддающееся определению. Ей как будто дали новый шанс стать счастливой, и от этого внутри сделалось щекотно, как будто она проглотила полсотни волосатых гусениц.

Би-би-би-би-би-и-и-и!!!

Высокий и широкоплечий мужик в мешковатых джинсах и коричневом рабочем пуловере кивнул в знак приветствия, выволакивая из фургона угловой диван баклажанового цвета фирмы «Calvin Klein».

– Хватит гудеть, дорогой! Рано же еще! – шутливо одернула мужа Глория. – Еще, чего доброго, соседи подумают: вот, приехали психи какие-то...

От запаха горячего кофе и картонных стаканчиков пустой желудок Мелоди скрутило.

– Да, пап, хватай! – простионала Кандис, не поднимая головы со своей металлической сумочки «Tory Burch». – Ты разбудишь единственного нормального человека в этом несчастном Сейлеме!

Бо отстегнул ремень и обернулся к дочери.

– Да? И кого же это?

– Меня-а-а!

Кандис потянулась, Коко и Хлоя поднялись и опустились под голубой маечкой, точно буйки на морских волнах. Должно быть, она так и заснула, опустив лицо на гневно стиснутый кулак, потому что на щеке у нее отпечатались сердечко с нового колечка, которое одна из рыдающих подруг подарила ей на память.

Мелоди вовсе не улыбалось выслушать новую тираду на тему «Ах, как я буду скучать по своим друзьям!», которой непременно разразится Кандис, когда увидит свою щеку, поэтому она первой открыла дверцу машины и вышла на извилистую улочку.

Дождь перестал. Вставало солнце. На окрестности был наброшен фиолетово-розовый туман, словно тонкий шарф цвета фуксии на абажур. Туман озарял волшебным светом Рэдклиф-вэй, ее просторные участки и непохожие друг на друга дома. Влажно блестящая улица пахла земляными червями и сырой травой.

– Ты только понюхай, какой тут воздух, а, Мелли? – Бо шлепнул себя по груди, обтянутой водолазкой, и запрокинул голову, любясь разноцветным, как батик, небом.

– Ага, я знаю! – сказала Мелоди, обхватив его мускулистый торс. – Мне уже легче дышится! – заверила она, отчасти потому, что ей хотелось, чтобы отец знал, как она ценит принесенную ими жертву, но еще и потому, что ей действительно дышалось легче. Как будто с груди сняли тяжеленный мешок.

– Вылезай, понюхай, как тут пахнет! – потребовал Бо, постучав в окно жены золотым перстнем с вензелем.

Глория погрозила мужу пальцем и обернулась назад, к Кандис, показывая, что разбирается с очередным концертом.

– Извини, пап... – сказала Мелоди и снова обняла отца, но уже мягче, как бы говоря «Прости меня».

– За что?! Тут так здорово!

Он вдохнул полной грудью.

– Семейство Карверов нуждалось в переменах. Лос-Анджелес мы изучили вдоль и поперек. Пришло время обследовать новые земли! Понимаешь, жизнь – это...

– Да лучше бы я умерла! – взвизгнула Кандис внутри джипа.

– Сейчас появится единственный нормальный человек в Сейлеме, – пробормотал Бо себе под нос.

Мелоди взглянула на отца. Едва встретившись взглядами, оба тут же разразились хохотом.

– Ну ладно. Кто готов прогуляться? – спросила Глория, распахнув дверцу. Ее нога в дорожном ботильоне, отороченном мехом, высунулась наружу осторожно, как будто пробуя воду в ванне.

Кандис тут же выскочила наружу.

– Чур, кто первый добежит наверх, тот и займет самую большую комнату! – крикнула она и тут же припустила к дому. Ее тоненькие, как зубочистки, ножки мелькали на удивление стремительно, и даже модные рваные джинсы в облипку ей ничуть не мешали.

Мелоди взглянула на мать, словно спрашивая: «Как тебе это удалось?!»

– Ну, я ей сказала, что она может забирать себе мой винтажный комбинезон «Missoni», если только прекратит ныть до завтра, – призналась Глория, собирая свои каштановые волосы в элегантный конский хвост и ловко перехватывая их резинкой.

– Если так пойдет, к концу недели ты останешься в одних носках! – поддел ее Бо.

– Ничего, оно того стоит! – улыбнулась Глория.

Мелоди хихикнула и тоже бросилась к дому. Она знала, что Кандис наверняка ее опередит и самая большая комната достанется ей. Но бежала она не за этим. Она бежала просто потому, что после пятнадцати лет одышки наконец-то могла бегать.

Пробегая мимо фургонов, она кивнула грузчикам, которые возились с диваном. Потом миновала крыльцо в три ступеньки и вбежала в дом.

– Ни фиги себе! – ахнула она, остановившись на пороге просторного деревянного дома. Стены были того же красновато-желтого оттенка деревянного конструктора, что и снаружи. Того же цвета были лестница, перила и потолок. Единственным исключением были каменный камин и темные ореховые полы. Совсем не то, к чему она привыкла: в Калифорнии они жили в многоярусном коттедже из стекла и бетона, построенном в ультрамодерновом стиле. Нельзя не отдать должное родителям: они действительно решили радикально сменить обстановку!

– Эй, поберегись! – прокряхтел потный грузчик, пытавшийся пропихнуть пухлый диван в узкий дверной проем.

– Ой, извините! – Мелоди нервно хихикнула и отступила в сторону.

Справа от нее шла вдоль всего дома длинная спальня. Там уже стояла большая двуспальная кровать Бо и Глории, наглядно демонстрируя, что место занято. В главной ванной был в разгаре ремонт. За раздвижной дверью тонированного стекла виднелся узкий бассейн, окруженный восьмифутовой стеной из таких же игрушечных бревнышек. Должно быть, именно бассейн заставил Бо решиться купить этот дом: он каждое утро начинал с заплыва, сжигая лишние калории, которые не дожег во время вечернего купания.

Наверху, в одной из двух других спален, расхаживала Кандис, бубня что-то в свой мобильник.

Напротив комнаты родителей располагались уютная кухня и столовая. Их сверкающая бытовая техника, блестящий стеклянный стол и восемь черных лаковых стульев выглядели

совершенно футуристически на фоне этих деревянных стен. Но Мелоди была уверена, что родители это быстро исправят, дай только им добраться до ближайшего местного дизайнера.

– Помогите! – крикнула сверху Кандис.

– Что такое? – отозвалась Мелоди, заглядывая в гостиную, расположенную ниже остальных комнат. Из гостиной открывался вид на лесистый овраг позади дома.

– Умира-аю!

– Что, правда?!

Мелоди избежала по деревянной лестнице, ведущей вверх. Ей нравилось чувствовать под своими черными высокими кедами неровные деревянные ступени. Каждая из этих ступенек обладала собственной индивидуальностью и нравом. Дома, в Беверли-Хиллз, все подчинялось симметрии, последовательности и совершенству. Тут все было наоборот. Каждое бревнышко в стенах было покрыто своим собственным узором из сучков. Ни одно не походило на другое. Ни одно нельзя было назвать идеальным. Но все они были собраны в единое целое и участвовали в создании общего впечатления. Может, это местная особенность такая? Может, все жители Сейлема (кстати, как их правильно называть? Сейлемцы? Сейлемчане?) не похожи друг на друга, у каждого свои сучки и задоринки? А если так, значит, и ученики Мерстонской старшей школы такие же! Эта мысль вселила в нее такой прилив надежды, свободной от астматической одышки, что Мелоди буквально взлетела по лестнице, прыгая через две ступеньки.

Наверху Мелоди растянула толстовку и повесила ее на перила. Подмышки ее серой футболки потемнели от пота, и на лбу выступили блестящие капельки.

– Умира-аю! Тут настоящая *fuego*!¹

Кандис выползла из левой спальни. На ней не было ничего, кроме черного лифчика и джинсов.

– Тут, наверху, правда сто два градуса² или у меня жар? Коко и Хлоя сейчас завянут!

– Канди! – Мелоди бросила ей толстовку. – Надень немедленно!

– С чего это вдруг? – осведомилась сестра, непринужденно изучая свой пупок. – Окна снаружи тонированные, никто ничего не увидит.

– А как насчет грузчиков? – осведомилась Мелоди.

Кандис, прикрывая грудь толстовкой, выглянула за перила и посмотрела вниз.

– Странно тут как-то, тебе не кажется?

Ее щеки покраснелись, придавая голубым глазам странный переливчатый блеск.

– Ну да, весь дом странный, – шепотом ответила Мелоди. – Пожалуй, мне тут нравится!

– Так это потому, что ты сама странная!

Кандис хлестнула толстовкой по перилам и ушла в спальню, которая, видимо, была побольше. Белокурые волосы хлестнули ее по спине на прощание.

– Эй, вы тут ничего не теряли? – крикнул снизу один из грузчиков. Черная толстовка висела у него на плече, какдохлый хореk.

– Ой, да, извините, пожалуйста! – ответила Мелоди. – Просто бросьте ее на перила!

И она поспешно ушла в свободную спальню, чтобы грузчик не подумал, будто она сделала это нарочно.

Она окинула взглядом маленькую прямоугольную комнатку: бревенчатые стены, низкий потолок с глубокими царапинами, похожими на следы когтей, тонированное окошко, выходящее на соседскую каменную ограду. Когда она раздвинула дверцы шкафа, оттуда запахло кедром. Было ужасно жарко, просто свариться можно! Агент по продаже жилья, наверное, назвал бы эту комнатку «уютной», если бы не боялся соврать.

¹ Здесь – «жара» (испан.).

² По Фаренгейту; около 39° по Цельсию.

– Славный гробик! – хмыкнула с порога Кандис, по-прежнему в одном лифчике.

– Обломись! – отпаривала Мелоди. – Я все равно не хочу обратно в Калифорнию!

– Ну и ладно! – Канди закатила глаза. – Тогда, по крайней мере, пусть тебе будет завидно! Погляди на мой будуарчик.

Мелоди прошла мимо тесной ванной и очутилась в просторной, залитой светом комнате. Там была ниша для письменного стола, три глубоких шкафа и большое тонированное окно, которое выходило на Рэдклиф-вэй. Они могли бы жить тут вдвоем, и в комнате все равно было бы достаточно места для эго Кандис.

– Миленько! – буркнула Мелоди, стараясь не показывать, что и впрямь завидует. – Ну что, пошли, что ли, в город сходим, бубликов купим? Я умираю с голоду.

– Нет-нет, сперва признайся, что моя комната крутая, а тебе завидно! – Кандис сложила руки поверх Коко и Хлои.

– Не дожدهшься!

Кандис протестующе развернулась к окну.

– Ну ладно, а как насчет этого?

Она дыхла на стекло и нарисовала на нем сердечко.

Мелоди опасливо подошла к окну.

– Что там, беседка красивая, или что?

– Ага, щас! – сказала Кандис, глаза на парня в саду напротив.

Парень был без рубашки. Он поливал желтые розы перед белым коттеджем, размахивая шлангом, точно мечом. Мышцы у него на спине перекачивались под кожей каждый раз, как он делал выпад. Потертые джинсы сползли, открывая резинку полосатых трусов.

– Как ты думаешь, это садовник или он там просто живет? – спросила Мелоди.

– Живет, – уверенно ответила Кандис. – Если бы он был садовник, он был бы загорелый. Ну-ка, завяжи!

– Чего?

Обернувшись, Мелоди увидела, что сестра уже нарядилась в комбинезон «Missoni», разрисованный фиолетовыми, черными и серебряными зигзагами, и держит над головой лямки.

– Как ты его нашла? – спросила Мелоди, аккуратно завязывая лямки бантиком. – Коробки с одеждой ведь еще не приехали.

– Ну, я же знала, что мама отдаст его мне, если я буду нить всю дорогу, так что я заранее положила его к себе в сумку!

– То есть все вот это представление в машине – это была игра на публику? – Сердце у Мелоди отчаянно заколотилось.

– Ну, в целом да. – Кандис небрежно пожала плечиками. – Подружек я себе где угодно найду, и с мальчиками можно встречаться где угодно. К тому же мне нужно в этом году заниматься получше, если я хочу попасть в хороший колледж. Ну, а в Калифорнии мне было бы не до того, ясно же!

Мелоди не знала, то ли обнять сестру, то ли стукнуть ее. Впрочем, она не успела сделать ни того, ни другого.

Кандис уже нацепила серебряные босоножки Глории на высокой платформе и снова подбежала к окну.

– Ну что, пошли знакомиться с соседями?

– Канди, не надо! – взмолилась Мелоди, но сестра уже дергала железный шпингалет. Попытаться урезонить Кандис было все равно, что пытаться остановить набегающую волну, размахивая руками. Утомительно и бесполезно.

– Эй, красавчик! – крикнула Кандис в окно и тут же спряталась за подоконником.

Паренек обернулся и задрал голову, прикрываясь рукой от солнца.

Кандис подняла голову и выглянула в окно.

– Ой, фу-у! Он неинтересный, – сказала она. – Маленький еще. Четырехглазый. Не загорелый ни фига. Хочешь – бери его себе.

Мелоди хотелось огрызнуться: «Не смей мне говорить, кого я могу брать себе, а кого нет!» Но там, внизу, стоял парень, в очках в черной оправе, с копной темных волос, и смотрел прямо на нее. И она могла только смотреть на него и гадать, какого цвета у него глаза.

Он неуклюже помахал ей рукой, но Мелоди застыла, как деревянная. Может, он решит, что она – просто картонный манекен вроде тех, какие ставят в фойе кинотеатров, а вовсе не неуклюжая девчонка, не умеющая нормально общаться, которая сейчас пнет свою сестру в лодыжку.

– Уй-я! – взвыла Кандис, схватившись за ногу.

Мелоди отошла от окна.

– Как ты могла так поступить со мной! – шепотом крикнула она.

– Ну, ты-то сама ничего бы так и не сделала! – ответила Кандис, широко раскрыв голубые глаза.

– А зачем? Я его даже не знаю! – Мелоди привалилась к неровной бревенчатой стене и спрятала лицо в ладонях.

– И чего?

– Того! Меня и так уже достало, что все меня считают психанутой! Тебе-то, конечно, плевать, а я...

– Слышь, кончай уже, а? – Кандис встала. – Запомни: ты больше не Груша! Ты теперь хорошенькая. Ты можешь встречаться с классными парнями! Загорелыми, с нормальным зрением. А не с ботанами-очкариками.

Она захлопнула окно.

– Тебе никогда не хотелось использовать свои губы для чего-то еще, кроме как прятать зубы?

Мелоди ощутила знакомую судорогу в горле. В горле пересохло. Губы скривились. В глазах защипало. И из глаз, как маленькие соленые парашютисты, градом посыпались слезы. Она терпеть не могла, когда Кандис начинала разглагольствовать о том, что она никогда не встречалась с мальчиками. Но как убедить семнадцатилетнюю фифу, у которой было больше свиданий, чем изюма в кексе, что Рэнди, кассир из «Старбакса» (по прозвищу Звездное Небо, из-за того, что у него все лицо было в шрамах от прыщей), на самом деле очень классно целуется? Решительно невозможно.

– Все не так просто, понимаешь? – всхлипывала Мелоди, пряча лицо в ладонях. – Это ты мечтала быть хорошенькой. А я мечтала петь. Петь! А теперь с этим все кончено.

Ну как объяснить это Кандис, когда она сама себя и то не очень понимает?

– Вся эта красота – она же поддельная, Кандис! Она искусственная. Это на самом деле не я!

Кандис закатила глаза.

– Ну, вот как бы ты себя чувствовала, если бы получила «отлично» за тест, который сдула у кого-нибудь? – спросила Мелоди, решив прибегнуть к другой тактике.

– Смотря по обстоятельствам, – ответила Кандис. – А меня поймают или нет?

Мелоди вскинула голову и расхохоталась. Из носа у нее вылетела громадная сопля. Она поспешно поймала ее и вытерла руку о джинсы, пока сестра не заметила.

– Ты слишком много думаешь о таких вещах!

Кандис вскинула на плечо свою сумочку и заглянула себе в декольте.

– Коко! Хлоя! Вы прекрасны как никогда!

Она протянула руку и подняла Мелоди на ноги.

– Пора показать местным жителям, чем отличается комбинезон лесоруба от комбинезона от кутюр!

Она окинула взглядом пропотевшую серую футболку и мешковатые джинсы Мелоди и добавила:

– Только разговаривать буду я, а ты молчи, ладно?

– Да я и так всегда молчу! – вздохнула Мелоди, в глубине души надеясь, что рано или поздно к ней вернется ее настоящий голос и уж тогда-то она молчать не станет!

Глава 2

Жизнь в зеленом свете

Наконец встало солнце. Зарянки и воробьи чирикали свои обычные утренние плейлисты. За матовым окном комнаты Фрэнки послышался трезвон – это ребяташки катались на великах в тупике улицы Рэдклиф-вэй. Соседи мало-помалу просыпались. Можно было наконец врубить Леди Гагу.

«I can see myself in the movies, with my picture in the city lights...»

Фрэнки больше всего хотелось дергать головой под «The Fame». Хотя нет. Не совсем так. На самом деле ей хотелось вскочить со своей стальной кровати, сбросить электромагнитное, обшитое флисом одеяло на гладкий бетонный пол, размахивать руками, крутить попой и трясти и дергать головой под «The Fame». Но отключаться от розетки, пока аккумуляторы не заряжены полностью, было нельзя: это могло привести к провалам в памяти, обморокам и даже к коме. Впрочем, в этом были и свои плюсы: ей не приходилось заряжать свой iPod. Пока плейер находился на теле Фрэнки, его заряд был неиссякаем.

Наслаждаясь утренней зарядкой, она лежала пластом, опутанная красными и черными проводами, подключенными к контактам на шее. Электрический ток струился через ее тело, а она тем временем листала последний номер журнала «Seventeen». Стараясь не размазать сохнувший темно-синий лак, она разыскивала на гладких, светлых и смуглых шеях фотомоделей металлические контакты, гадая, как они ухитряются заряжаться без них.

Как только «Кармен Электра» (имя, которое она дала зарядному устройству, потому что его техническое название было слишком заковыристым) отключилась, Фрэнки с удовольствием ощутила покалывание в небольших, с наперсток величиной, шейных контактах, начинающих остывать. Чувствуя себя энергичной и полной сил, она уткнулась своим вздернутым носиком в страницу журнала и втянула в себя аромат образца духов «Miss Dior Cherie».

– Нравится? – спросила она, помахав журналом перед своими Гламурками. Пятеро белых крыс встали на розовые задние лапки, царапая передними стеклянную стенку клетки. Облачко нетоксичных разноцветных блесток соскользнуло с их спинок, точно снег с навеса.

Фрэнки еще раз понюхала страницу.

– Мне тоже!

Она помахала сложенным журналом, разгоняя холодный, отдающий формальдегидом воздух, и встала, чтобы зажечь свечки с ароматом ванили. Химический, уксусный запах раствора впивался в волосы, перешибая цветочный аромат ее бальзама для волос.

– От меня сильно ванилью несет? – спросил папа, постучавшись в закрытую дверь.

Фрэнки приглушила музыку.

– Да-а-а! – с восторгом ответила она, хотя папа явно был не в восторге или, по крайней мере, делал вид, что он не в восторге. Он всегда считал нужным демонстрировать неудовольствие, обнаруживая, что она снова пытается преобразить его лабораторию в «фабулаторию». Так бывало всякий раз – когда она разукрасила лабораторных крыс, когда повадилась хранить губную помаду, резиночки и заколочки в лабораторной посуде, когда она налепила на скелет лицо Джастина Бибера («посмотри, как высоковольтно он катается на скейтборде!»). Но Фрэнки знала, что на самом деле папа не против. В конце концов, ведь теперь это и ее комната! Кроме того, если бы он сердился по-настоящему, он не стал бы называть ее...

– Ну, как себя чувствует моя идеальная доченька? – Виктор Штейн постучался снова и открыл дверь. Однако первой вошла мама.

– Лапочка, можно тебя на минутку? – спросила Вивека нараспев, взмахнув подолом своего черного крепового платья. Голос у нее был такой нежный, что люди часто пугались, обнаружив, что он принадлежит женщине шестифутового роста.

Виктор вошел следом, с кожаной сумкой в руках, в адидасовском спортивном костюме и своих любимых тапочках «Uggi», коричневых, с дыркой на носке.

– Ну да, они старые и изношенные, совсем как Вив! – говаривал он, когда Фрэнки поддразнивала его, и тогда жена сердито шлепала его по руке. Но Фрэнки понимала, что папа просто шутит: Вивека была женщиной, которую хотелось видеть в журналах, чтобы сколько угодно любоваться ее лиловыми глазами и блестящими черными волосами, не рискуя быть принятым за наглеца или психа.

А папа – папа больше смахивал на Арнольда Шварценеггера, слегка вытянутого в длину, как будто его точеные черты растянули, чтобы надеть на квадратный череп. На него бы, наверное, тоже глазели, если бы не его внушительный вид: рост шесть футов четыре дюйма и угрожающе прищуренные глаза. Хотя на самом деле щурился он вовсе не оттого, что злился. Он просто всегда щурится, когда думает. А думает он постоянно, ведь он же сумасшедший ученый... По крайней мере, так объясняла ей Вивека.

Вив и Вик шагали по гладкому бетонному полу, держась за руки, плечом к плечу, как всегда. Однако сегодня в их гордых улыбках виднелись следы озабоченности.

– Присядь, милая! – Вивека указала на заваленную подушками рубиново-красную тахту, которую Фрэнки заказала по Интернету из «Икеи». Тахта стояла в дальнем углу фабу-латории, вместе с письменным столом, облепленным наклейками, телевизором «Сони» с плоским экраном и разноцветными шкафами, набитыми покупками, сделанными в Интер-нете. Напротив тахты было единственное в комнате окно. Стекло в окне было матовым, чтобы никто не мог заглянуть в него снаружи, и все-таки окно давало Фрэнки возможность выглянуть в реальный мир – или, по крайней мере, надеяться на это.

Фрэнки прошлепала по дорожке из розовых овечьих шкур, выложенной от кровати до тахты. Она боялась, что родители обнаружили последний счет за закачки с iTunes. Она принялась нервно тереть мелкие черные стежки, которыми ее голова была пришита к телу.

– Не ковыряй шов, – сказал Виктор, опускаясь на тахту. Березовая рама протестующе скрипнула. – Тебе не из-за чего нервничать. Мы просто хотим с тобой поговорить.

Он поставил к ногам кожаную сумку.

Вивека похлопала по свободной подушке рядом с собой, потом принялась возиться с черным муслиновым шарфом с вышивкой. Однако Фрэнки, опасаясь очередной нотации на тему о том, каким трудом дается каждый доллар, плотнее закуталась в свой черный шелко-вый халатик «Narajuki Lovers» и села на розовый коврик.

– А что случилось? – спросила она с улыбкой, таким невинным тоном, будто это не она только что выложила 59,99 бакса за сезонный абонемент на скачивание сериала «Сплет-ница».

– Нас ждут серьезные перемены! – Виктор потер руки и глубоко вздохнул, словно соби-рался подняться на высокую гору.

«Они запретят мне пользоваться кредитной карточкой?!» – с ужасом подумала Фрэнки.

Вивека кивнула и снова улыбнулась вымученной улыбкой. Однако ее губы, накрашен-ные темно-фиолетовой помадой, остались плотно сжаты. Она взглянула на мужа, как бы прося его продолжать, но он широко раскрыл свои черные глаза, давая понять, что не знает, что говорить дальше.

Фрэнки поерзала на коврике. Ей сделалось неудобно. Она никогда еще не видела, чтобы родители не знали, что сказать. Она мысленно перебирала свои последние покупки, пытаясь понять, что именно вывело их из себя. Абонемент на «Сплетницу»... ароматизатор воздуха с ароматом цветов апельсина... полосатые носочки с пальцами... подписки на журналы «Us

Weekly», «Seventeen», «TeenVogue», «Cosmogirl»... приложение с гороскопами... нумерологическое приложение... приложение с толкованием снов... утюжок для волос... «мужские» джинсы фирмы «Current/Elliott»...

Ничего такого, чтобы уж чересчур... Однако она так нервничала, что у нее аж контакты заискрили.

– Успокойся, лапочка! – Вивека наклонилась и погладила длинные черные волосы Фрэнки. Этот успокаивающий жест остановил утечку энергии, но внутри у нее по-прежнему все трещало и шипело, как фейерверк на Четвертое июля. Ее родители были единственными людьми, которых знала Фрэнки. Они были ее лучшие друзья, ее защита и опора. Расстроить их было для нее все равно, что расстроить весь мир.

Виктор еще раз глубоко вдохнул, выдохнул и наконец объявил:

– Что ж, Фрэнки, лето заканчивается! Нам с твоей мамой пора вернуться в университет, преподавать физику, химию и анатомию. Мы больше не можем заниматься с тобой дома.

И он принялся нервно постукивать каблуком по полу.

– И что?

Фрэнки озадаченно нахмурила свои ровненькие бровки. «А при чем тут мои покупки?»

Вивека положила руку на колено Виктору, как бы говоря: «Дальше лучше я!» Она кашлянула.

– Твой папа хочет сказать, что тебе уже пятнадцать дней. Каждый день он загружал в твой мозг сведения, которые обычные дети получают за целый год: математику, физику, химию, историю, географию, языки, рукоделие, рисование, музыку, фильмы, песни, моды, слова и выражения, условности и манеры, эмоциональную глубину, зрелость, дисциплину, свободу воли, мышечную координацию, речевые навыки, абстрактные понятия, восприятие глубины и расстояния, стремления и даже вкусы и интересы. Теперь у тебя есть все!

Фрэнки кивнула головой, гадая, когда же наконец дело дойдет до покупок.

– И вот теперь, когда ты стала очаровательной и умненькой девочкой-подростком, ты наконец, готова...

Вивека всхлипнула. Она взглянула на Виктора, и тот кивнул, призывая ее продолжать. Она облизнула губы, выдохнула, еще раз заставила себя улыбнуться и...

Фрэнки буквально трясло от напряжения. Этот разговор тянулся дольше, чем доставка с курьером, честное слово!

– Готова пойти в школу для нормалов! – выпалила наконец Вивека. Слово «нормалы» она произнесла с некоторым отвращением.

– А нормалы – это кто? – спросила Фрэнки, заранее боясь ответа. «Наверное, это какая-нибудь реабилитационная программа для шопоголиков!»

– Нормалы – это люди с обычной физиологией, не имеющие особых свойств, – пояснил Виктор.

– Ну, вот... – Вивека взяла с оранжевого лакированного журнального столика номер «Teen Vogue» и раскрыла его на первой попавшейся странице. – Вот такие, как они.

Она ткнула пальцем в рекламу H&M с фотографией трех девочек в лифчиках и коротеньких шортах: блондинки, брюнетки и рыженькой. Все три были кудрявые.

– А я тоже нормал? – спросила Фрэнки, испытывая не меньше гордости, чем сияющие фотомодели.

Вивека покачала головой.

– Почему? Потому что у меня волосы прямые, да? – спросила Фрэнки. Это был самый трудный из всех уроков!

– Нет, не поэтому, – ответил Виктор, устало усмехнувшись. – А потому, что я тебя сделал.

– Ну, так ведь всех же детей родители делают, разве нет? – спросила Фрэнки. – По крайней мере, обычно так говорят.

Вивека вскинула темную бровь. Дочь была отчасти права...

– Да, но я тебя сделал буквально, – пояснил Виктор. – Прямо тут, в этой лаборатории. Из идеальных частей тела, которые я изготовил своими руками. Я запрограммировал твой мозг, заполнил его информацией, собрал и сшил тебя, вставил тебе в шею контакты, чтобы тебя можно было заряжать. Ты не нуждаешься в пище, разве что для удовольствия. И, видишь ли, Фрэнки, поскольку в твоих жилах нет крови, твоя кожа... э-э... зеленая.

Фрэнки взглянула на свои руки так, будто впервые их увидела. И в самом деле: они были цвета мятного мороженого, как и вся она.

– Ну да, я знаю, – сказала она. – Разве это не высоковольтно?

– Да, конечно! – усмехнулся Виктор. – Именно поэтому ты не такая, как все, ты особенная. В твоей новой школе нет ни одного такого ученика, как ты. Ты будешь единственной в своем роде!

– А что, в школе и другие дети будут?! – Фрэнки окинула взглядом фабулаторию, единственную комнату, где она бывала на самом деле.

Виктор и Вивека кивнули, виновато и озабоченно хмурясь.

Фрэнки вглядывалась в их влажные глаза, пытаясь понять, неужели они это всерьез. Что, они правда собираются просто взять и бросить ее? Отправить ее в школу, полную кучерявых нормалов, где ей придется самой о себе заботиться? Неужели им хватит жестокости бросить ее образование и уйти в какие-то аудитории учить совершенно посторонних людей?

И, несмотря на то что губы у них дрожали и на щеках виднелись дорожки от слез, похоже было на то, что это действительно так... В животе у Фрэнки внезапно образовалось чувство, которое можно было измерить разве что по шкале Рихтера. Это чувство поднялось по груди снизу вверх, пролетело через горло и вырвалось наружу воплем:

– ВЫСОКОВОЛЬТНО!!!

Фрэнки вскочила на ноги и принялась танцевать босиком под песни Леди Гаги, звучащие у нее в голове.

– Так что, тебя это устраивает?! – паузы черные ресницы Вивеки изумленно затрепетали.

– Конечно!!! – Фрэнки вскинула руки над головой и завертелась волчком, хлопая в ладоши. – Подружек заведу! Буду с мальчиками встречаться! Буду сидеть в кафе! Буду гулять на улице и...

– погоди минутку! – перебил ее Виктор, серьезный, как математика и физика вместе взятые. – Все не так просто.

– Да, действительно! – Фрэнки бросилась к голубому гардеробу, на котором ядовито-розовым баллончиком было написано: «ЮБКИ И ПЛАТЬЯ». – В чем же я буду ходить?

– Вот в этом!

Виктор подался вперед, поставил к ее ногам кожаную сумку и поспешно отпрянул назад, как будто предлагал миску с мясом голодному льву.

Фрэнки тут же сменила курс и устремилась к сумке. Ну да, заранее купить ей одежду для школы – это так похоже на ее родителей! «Интересно, что там? Плиссированная юбочка с черной кашемировой маечкой? Ну пусть это будет плиссированная юбочка с кашемировой маечкой, а? Пожа-алуйста!»

Она расстегнула «молнию» и нетерпеливо полезла внутрь, надеясь нащупать тонкие ляпочки и прикольную декоративную булавку, на которую застегивается такая юбка.

– Ой! – она отдернула руку, как будто сумка ее укусила. – Что это?! – спросила она. Она никак не могла прийти в себя после того, как дотронулась до этого, колючего...

– Шерстяной брючный костюмчик.

Вивека собрала волосы в пучок и перекинула их через плечо.

– Ничего себе костюмчик! – фыркнула Фрэнки. – Он на ощупь как терка!

– Он очень милый! – настаивала Вивека. – Померяй его!

Фрэнки вытряхнула сумку на пол, чтобы не дотрагиваться руками до гадкой кусачей тряпки. На ковер плюхнулась большая, шоколадно-коричневая коробка с косметикой.

– А это что?

– Грим, – ответил Виктор.

– «Sephora», да? – с надеждой спросила Фрэнки – быть может, для родителей еще не все потеряно?

– Нет.

Виктор провел рукой по своим зачесанным назад волосам.

– Это привезли из Нью-Йорка. Великолепный набор театрального грима, называется «Fierce&Flawless», рассчитан на самые яркие театральные прожекторы на Бродвее! И при этом смотрится вполне естественно.

Виктор достал из сумки губку, пропитанную мылом, и протер себе предплечье. На губке осталась желтовато-розовое пятно, а на руке у него – зеленая полоска.

– Так у тебя тоже зеленая кожа? – ахнула Фрэнки.

– И у меня тоже, – Вивека провела губкой по щеке, и на ней тоже осталась полоска.

– Что-о?! – руки у Фрэнки снова заискрили. – Так вы всегда были зеленые?

Они гордо кивнули.

– Зачем же вы это скрывали?!

– Затем, что, – Виктор вытер палец о штанину, – мы все живем в мире нормалов. И многие из них боятся непохожих людей.

– Непохожих? На кого? – вслух удивилась Фрэнки.

Виктор опустил глаза.

– Не похожих на них.

– Мы – часть весьма специфической группы, являющейся потомками тех, кого нормалы зовут монстрами, – объяснила Вивека. – Однако мы предпочитаем говорить о себе как о ЛОТСах.

– Людах, отвергающих традиционные свойства, – пояснил Виктор.

Фрэнки потянулась к швам у себя на шее.

– Не ковыряй шов! – в один голос рявкнули родители.

Фрэнки опустила руку и вздохнула.

– А что, так всегда было?

– Нет, далеко не всегда!

Виктор встал и принялся расхаживать взад-вперед.

– К несчастью, наша история, как и история многих других людей, была полна жестокостей и преследований. Но, по счастью, Средневековые остались позади, и мы смогли наконец открыто поселиться среди нормалов. Мы работали вместе, общались, влюблялись. Однако к началу тридцатых годов двадцатого века все переменялось.

– Почему?

Фрэнки залезла на тахту и прижалась к Вивеке. Запах маминого гардениевого молочка для тела успокаивал.

– Потому что появились фильмы ужасов. Нас, ЛОТСов, снимали в главных ролях в разных фильмах, таких как «Дракула», «Призрак Оперы», «Доктор Джекил и мистер Хайд». А те, кто не мог играть в кино...

– Как твой прадедушка Вик! – вставила Вивека.

– Ну да, как наш милый старый Виктор Франкенштейн, – папа улыбнулся своим воспоминаниям. – Он никак не мог заучить свои реплики и, по правде говоря, был довольно нескладен. Так вот, его играл актер-нормал, по имени Борис Карлофф.

– Ну, звучит прикольно... – Фрэнки водила пальцем по шелковой петельке своего халата, жалея, что не родилась на сто лет раньше.

– Да, это и в самом деле было... прикольно. – Виктор остановился и посмотрел на нее в упор. Его улыбка таяла, точно утренний туман. – Пока фильмы не вышли на экран.

– А что? – спросила Фрэнки.

– Потому что в фильмах нас изображали ужасающими, злобными, кровожадными, врагами всего живого!

Виктор снова принялся расхаживать взад-вперед.

– Дети нормалов, увидев нас, визжали от ужаса! Их родители перестали приглашать нас в гости! Никто не желал иметь с нами дела! Мы в одночасье сделались отверженными. ЛОТСы подверглись насилию и вандализму. Нашей прежней жизни настал конец.

– И что, никто не пытался постоять за себя? – удивилась Фрэнки, вспоминая множество исторических битв, которые разыгрывались по похожим причинам.

– Мы пытались... – Виктор покачал головой, с грустью вспоминая неудавшиеся попытки. – Протестовать было бесполезно. Все наши выступления превращались в раздачу автографов бесстрашным поклонникам ужастиков. А если бы мы предприняли любые другие действия, помимо мирных протестов, это стало бы только лишним доказательством, что мы действительно такие злобные твари, какими нас изображают!

– И что же вы тогда сделали? – Фрэнки теснее прижалась к матери.

– Всем ЛОТСам было разослано секретное приглашение, призывающее их бросить свои дома и дела и собраться в Сейлеме, где обитали ведьмы. Мы надеялись, что ведьмы проникнутся сочувствием к нашей борьбе и согласятся объединиться с нами. Вместе мы могли бы создать новое сообщество и начать все сначала!

– Но разве всех ведьм в Сейлеме не истребили во время того знаменитого процесса... в 1692, что ли, году? – спросила Фрэнки. – А это ведь были уже тридцатые годы двадцатого века!

Виктор хлопнул в ладоши и указал на дочь пальцем, точно экспансивный телеведущий.

– Вот именно! – воскликнул он, гордясь вложенными в дочку книжными познаниями. Вивека поцеловала Фрэнки в макушку.

– Увы, безмозглый зомби, разославший это приглашение, не был таким умницей, как ты!

– Да, увы... – Виктор снова пригладил волосы. – Мало того, что ведьм давно не было, он еще и выбрал не тот Сейлем! Он-то имел в виду тот Сейлем, что в Массачусетсе, но дал нам координаты Сейлема в Орегоне! Все ЛОТСы поняли его ошибку, но что-то менять было уже поздно. Надо было убираться прочь, пока их не окружили и не бросили в тюрьму. Прибыв в Орегон, они решили наилучшим образом воспользоваться сложившимся положением. Они собрали все деньги, что у них были, прикинулись нормалами, скупили всю улицу Рэдклиф-вэй и дали клятву стоять друг за друга горой. Мы надеемся, что рано или поздно мы сумеем снова жить открыто, но до поры до времени мы вынуждены скрываться. Если нас обнаружат, нам придется снова бежать и искать новое укрытие. Мы лишимся всего: домов, работы, привычного образа жизни...

– Вот почему для тебя так важно скрывать свой цвет кожи и никому не показывать твои швы и контакты!

– А ваши где? – спросила Фрэнки.

Вивека приподняла свой черный шарф и подмигнула. С шеи подмигнули в ответ два блестящих контакта.

Виктор расстегнул высокий воротник спортивной куртки и продемонстрировал ей свои контакты.

– Высоковольтно! – прошептала Фрэнки.

– Ну, я пойду готовить завтрак. – Вивека встала и расправила складочки на платье. – А ты пока учись пользоваться гримом. К коробке прилагается учебный диск. Начинай прямо сейчас!

Родители поцеловали ее в лоб и направились к двери.

На пороге Вивека оглянулась.

– Не забывай, – сказала она, – тебе нужно как следует освоить это к тому времени, как начнутся занятия в школе!

И мягко затворила за собой дверь.

– Ладно! – улыбнулась Фрэнки, вспомнив, с какого приятного известия начался этот малоприятный разговор. Она пойдет в школу!!!

Для начала она брезгливо, носочком ступни, точно дохлую крысу, задвинула с глаз долой, куда подальше, кусачую шерстяную тряпку. Шерстяных брючных костюмов сейчас никто не носит!

Для верности она заглянула в последний номер «TeenVogue» – «Снова в школу!». Ну вот, как она и думала: в этом году в моде легкие ткани цвета драгоценных камней и изображения животных. И шарфики и крупная бижутерия в качестве обязательных аксессуаров. Шерсть настолько вышла из моды, что ее даже не было в списке того, что сейчас немодно!

Статьи стали для нее полной неожиданностью. И не только в «TeenVogue», но и в «Seven–teen», и в «Cosmogirl» тоже. Там говорилось о том, что нужно быть самой собой, подчеркивать свою индивидуальность и неповторимость, любить свое тело таким, какое оно есть, – и о том, что сейчас круто быть зеленой! Это была полная противоположность тому, о чем говорили ей Вик и Вив.

«Хм...»

Фрэнки обернулась к ростовому зеркалу, прислоненному к желтому гардеробу, распахнула халатик и принялась изучать свое тело. Стройное, мускулистое, великолепно сложенное... Нет, ей есть чем гордиться, правильно пишут в журналах! Ну и что, что у нее кожа зеленоватая и конечности пришиты нитками? Вон в журналах пишут – а журналы все-таки куда ближе к современности, вы уж не обижайтесь, дорогие мама с папой! – что свое тело надо любить таким, какое оно есть. Ну, вот она его и любит! А потому, если нормалы читают журналы – а они их наверняка читают, на всех фотографиях только они! – они ее тоже полюбят. Сейчас, между прочим, модно быть естественной!

К тому же она ведь идеальная папина доченька! А идеальных уж точно любят все!

Глава 3

Мастер флирта

Невзирая на ранний час, Мелоди и Кандис выбежали на Рэдклиф-вэй с неумной энергией двух девочек, которым пришлось четырнадцать часов безвылазно просидеть в джипе. Как ни странно, по соседству с их новым домом кипела жизнь. В тупичке, которым заканчивалась улочка, кружила на великах малышня, а неподалеку играла в футбол на лужайке перед домом целая семейка качков.

– Это что, все одна семья?! – спросила Мелоди, когда они подошли поближе к кирпичному, похожему на пещеру дому, перед которым не меньше десятка парней гонялись за растрепанной красоткой с мячом.

– Ну, может, у их родителей родилось несколько двоен? Или даже троен? – предположила Кандис, взбивая прическу.

Внезапно игра замедлилась, а потом и остановилась, и вся толпа уставилась на проходящих мимо сестер Карвер.

– А чего это они на нас так пялятся, а? – спросила Мелоди краешком губ.

– Привыкай! – точно так же, не разжимая губ, ответила Кандис. – На хорошеньких девушек всегда пялятся!

Она улыбнулась и помахала ручкой парням-старшеклассникам. Парни были классные: у каждого – копна лохматых каштановых волос и такие румяные щеки, как будто они нарочно накрасились. Их огромный, с «Хаммер» величиной, мангал распространял резкий аромат жареных ребрышек – и это в такую рань, когда нормальные люди еще и кофе-то не пили!

Мелоди невольно потеряла пустой живот. Она бы сейчас тоже не отказалась от обеда вместо завтрака!

– О, я вас видела в последнем каталоге мужской одежды! Вы классно смотрелись! – крикнула им Кандис.

Мальчишки озадаченно переглянулись.

– Кандис! – прошипела Мелоди, шлепнув сестру по руке.

– Да ладно тебе, почему бы не порезвиться? – рассмеялась Кандис, цокая по мостовой маминими серебряными платформами.

– Все, мимо кого мы приходим, смотрят на нас так, как будто мы инопланетяне!

– А мы для них и есть инопланетяне! – Кандис подтянула лямки своего комбинезона.

– А может, дело просто в том, что ты вырядилась в воскресенье с утра, как будто в субботу вечером?

– Да нет, это оттого, что ты в чем вчера села в машину, в том и сегодня на улицу вышла, я уверена! – огрызнулась Кандис. – Конечно, в чем и заводить новых знакомых, как не в заношенной серой футболке и мешковатых джинсах!

Мелоди хотела было отпарировать, но передумала. Все равно ничего не изменишь. Кандис всегда будет думать, что приятная внешность – универсальный ключ к успеху. А она, Мелоди, всегда будет надеяться, что люди все-таки чуточку умнее.

Они молча пошли дальше по Рэдклиф-вэй. Дорога вилась то ли через лес, то ли через какой-то овраг: у домов по обе стороны дороги были просторные лужайки перед домом, а вместо задних дворов у них была густая, непролазная чаща. Но на этом сходство между ними заканчивалось. Каждый дом, как бревнышки в стенах коттеджа Карверов, обладал своей, неповторимой индивидуальностью.

Серый бетонный куб в тупике был опутан неприглядной паутиной проводов и кабелей. Старинный домик в викторианском стиле почти скрылся под сенью раскидистых кленов, и

рядом с ним непрерывно падали на мох семена-вертолетики. Обитатели дома номер девять, очевидно, любили резвиться в бассейне с черным дном, любясь на десятки фонтанчиков в виде разных морских обитателей. Даже сейчас, хотя солнце спряталось за плотной пеленой серебристых облаков, соседи купались, плещась в воде, точно стайка играющих дельфинов.

С каждым шагом становилось все более очевидно, что Сейлем – город, где приветствуется индивидуальность, и что местные жители и в самом деле придерживаются принципа «Живи сам и дай жить другим!». Мелоди испытала приступ сожаления. Эх, вот бы вернуть ее прежний нос! Он бы сюда прекрасно вписался.

– Гляди, гляди! – Она указала на разноцветную машину, пронесшуюся мимо. Задние дверцы у нее были от «Мерседеса»-купе, белый капот – от BMW, серебристый багажник – от «Ягуара», красный откидной верх – от «Лексуса», белые шины – от «Бентли», аудиосистема – от «Bose», а музыка играла классическая. На зеркальце заднего вида болтались значки от всех вышеперечисленных моделей. И номер был подходящий: «СНОБ». Хотя «ЖЛОБ» смотрелось бы лучше.

– Эта машина выглядит как движущаяся реклама «Benetton»!

– Или авария на автородео!

Кандис сфоткала машинку своим айфоном и тут же отправила ее подружкам по е-мейлу. Те немедленно откликнулись, сфотографировав то, чем они сейчас занимаются. Видимо, кто-то из них развлекался шопингом, потому что, свернув на Стегхорн-роуд, Кандис ускорила шаг и принялась расспрашивать всех встречных моложе пятидесяти, где тут у них можно потусоваться.

Ответ был единодушным: в парке Риверфронт! Однако он открывался только через несколько часов.

Они зашли в кафе выпить латте, завернули в несколько магазинчиков (Кандис заявила, что там «совершенно посмотреть не на что!») и так мало-помалу дотянули до двенадцати. С помощью купленной в кафе карты и советов прохожих девчонки сумели сориентироваться в сонном городке и вышли наконец к Риверфронту, накачанные кофеином и полностью готовые к знакомству с местными сливками общества.

– Что, и это все?! – Кандис остановилась как вкопанная, точно врезалась в стеклянную дверь. – Вот это и есть эпицентр орегонского шика?! – воскликнула она, увидев тележку с мороженым, детскую площадку и кирпичный павильон, где находилась карусель с расписными лошадами.

– Ну, судя по запаху, тут еще и кинотеатр недалеко, – сказала Мелоди, принюхиваясь: пахло попкорном и хот-догами.

– Ну да, хоть тебе нос и укоротили, обоняния ты не потеряла! – фыркнула Кандис.

– Очень смешно! – Мелоди закатила глаза.

– Ничего смешного тут нет! Наоборот, все очень печально! Кошмар полный! Ты только послушай!

Она указала на карусель. Оттуда неслись зловеще-игривые звуки механического органа, без которых не обходится ни один саундтрек к фильму ужасов.

– Единственный человек старше восьми лет и моложе сорока – это вон тот чувак! – Кандис указала на одинокого мальчишку на деревянной скамеечке. – И то он, по-моему, плачет!

И действительно, плечи у него были ссутулены, а голова опущена. Но он не плакал: он склонился над этюдником. Он то и дело поднимал голову, бросал взгляд на вращающуюся карусель и снова склонялся над рисунком.

Подмышки у Мелоди защищало от пота: она инстинктивно узнала его раньше, чем сообразила, кто это.

– Давай уйдем отсюда! – сказала она и потянула сестру за тонкую руку.

Но было уже поздно. Губы Кандис расплылись в улыбочке, и она твердо уперлась своими платформами в заплыванный жвачкой асфальт.

– Так ведь это же...

– Нет! Пошли отсюда! – настаивала Мелоди, таща сестру прочь. – Вон, смотри, там крутой супермаркет, «Bloomingdale's»! Идем туда!

– Да нет, это же он!

Кандис поволокла Мелоди к мальчику и, сияя, окликнула его:

– Эй, сосед!

Он поднял голову и откинул со лба густую прядь волнистых каштановых волос. У Мелоди сердце екнуло. Вблизи он был даже более классный, чем ей показалось сначала.

Толстые очки в черной оправе обрамляли лучистые карие глаза, делая их похожими на фотографии молний на темном небе, оправленные в рамочку. Он выглядел как супергерой, переодетый ботаном.

– Помнишь мою сестру? Ты ее в окне видел! – мстительно осведомилась Кандис. Как будто это Мелоди была виновата, что Риверфронт оказался полной фигой!

– Ы-ы... Э-э... Я, это... Я Мелоди, – выдавила она с горящими щеками.

– Джексон. – Он опустил глаза.

Кандис ущипнула его за белую футболку с вырезом лодочкой.

– А мы тебя в рубашке даже и не узнали!

Джексон нервно улыбнулся, не поднимая глаз от рисунка.

– Классный ты парень, но уж больно очкастый! – проворковала Кандис. – А у тебя, случайно, нет старшего брата с хорошим зрением... или хотя бы в линзах?

– Нет, – чистое, бледное лицо Джексона порозовело. – Я в семье один.

Мелоди обхватила себя руками, чтобы спрятать вспотевшие подмышки.

– А что ты рисуешь? – спросила она. Не самый оригинальный вопрос, но это все-таки было лучше, чем то, что может ляпнуть Кандис.

Джексон окинул взглядом свой рисунок так, словно видел его впервые.

– Карусель. Просто карусель. В движении.

Мелоди взглянула на набросок, сделанный пастелью. Размытая радуга, а внутри виднеются смутные фигурки детей и лошадок. В рисунке Джексона было что-то прозрачное и неуловимое, он был похож на воспоминания о полузабытом сне, обрывками всплывающие в памяти в течение дня.

– Здорово как! – искренне сказала она. – Ты давно этим занимаешься?

Джексон пожал плечами.

– С полчаса где-то. Я тут просто маму жду. Она должна встретиться с одним человеком...

– Да нет! – хихикнула Мелоди. – Я имела в виду – ты рисованием давно занимаешься?

– А-а... – Джексон провел рукой по волосам. Непослушные пряди приподнялись и снова упали на свое место, как перелистываемая колода карт. – Ну, да, несколько лет уже...

– Интересно! – кивнула Мелоди.

– Угу, – кивнул Джексон.

– Круто! – снова кивнула Мелоди.

– Спасибо! – кивнул в ответ Джексон.

– Не за что! – кивнула Мелоди.

Музыка, несущаяся от карусели, внезапно взревела громче. Как будто пыталась их отвлечь – а то Мелоди уже начало казаться, что они так и будут кивать, словно болванчики.

– А вы... это... вы откуда? – спросил Джексон у Кандис, разглядывая ее нездешний костюмчик.

– Из Беверли-Хиллз! – сказала она таким тоном, как будто это и без того было очевидно.

– Мы сюда переехали, потому что у меня астма, – сообщила Мелоди.

– Ой, Мелли, как это сексуально! – вздохнула Кандис.

– Но ведь это же правда!

Напряженное лицо Джексона расслабилось, и он наконец непринужденно улыбнулся. Как будто откровенность Мелоди пригласила его уверенность на танец, и та согласилась.

– А ты, это, слышал про Мерстонскую школу? – спросила она, чувствуя, что ее слова обеспечивают этот танец необходимой музыкой.

– Ага. – Он подвинулся на скамейке, молчаливо предлагая им присесть. – Я там учусь.

Мелоди села, по-прежнему не опуская скрещенных рук, на случай, если ветер дунет в его сторону.

– А в каком классе?

Кандис осталась стоять, она что-то писала в телефоне.

– В десятый пойду.

– И я тоже! – Мелоди улыбнулась – пожалуй, шире, чем ситуация того требовала.

– Что, правда? – Джексон улыбнулся в ответ. Впрочем, он и не переставал улыбаться. Мелоди кивнула.

– Ну, и как там народ? Ребята приятные?

Джексон отвел глаза и пожал плечами. Улыбка исчезла. Музыка затихла. Танец окончился.

– В чем дело? – грустно спросила Мелоди. Ее сердце отбивало похоронный марш.

– Да нет, ребята там, наверно, классные. Просто моя мама преподает естественные науки, и она довольно строгая, так что я как-то ни у кого в списке быстрого набора не состою.

– Ну, я бы тебя внесла в список быстрого набора... – сказала Мелоди.

– Что, правда? – переспросил Джексон, и лоб у него заблестел от пота.

Мелоди кивнула. Сердце у нее теперь билось веселее. С этим незнакомым мальчишкой ей почему-то было на удивление уютно. Может быть, оттого, что он не просто смотрел ей в лицо – он смотрел сквозь него. И его не отпугивало то, что на ней пропотевшие дорожные шмотки и что она не стесняется сообщать очкастым незнакомцам о своей астме.

– Ну ладно...

Он еще раз посмотрел ей в глаза и нацарапал свой мобильный красным пастельным карандашом прямо на рисунке с каруселью.

– Вот, держи!

Он достал лист из этюдника, протянул его ей и тут же вытер лоб тыльной стороной кисти.

– Ну ладно, мне, пожалуй, пора идти...

– Хорошо.

Когда он встал, Мелоди невольно встала одновременно с ним, так сильна была возникшая между ними связь.

– Ну, пока!

Он неуклюже махнул рукой, повернулся в сторону вертящейся карусели и торопливо зашагал прочь.

– Классно ты с ним! – Кандис бросила телефон в свою металлическую сумочку. – На таких очкариках очень полезно тренироваться. Ладно, пошли, найдем, где тут можно поесть.

Она окинула парк взглядом.

– Должно же тут быть хоть одно место, где нас не отравят!

Мелоди брела следом за Кандис по извилистым дорожкам и с улыбкой поглядывала на красный номер мобильного. Попросить телефон – это одно дело. А вот решиться по нему позвонить... И все-таки у нее был его номер. Он ей его дал! Сам, по собственной воле! Это

позволяло ей вновь и вновь мысленно воспроизводить их разговор во всех подробностях, не терзаясь мыслью, что, возможно, она ему совершенно безразлична.

– Ну, как насчет хот-дога и диетической колы? – предложила Кандис.

– Я, пожалуй, обойдусь! – улыбнулась Мелоди, глядя в небо, затянутое красивыми облаками. Ей теперь и так было хорошо!

Глава 4

Шито белыми нитками

Вивека постучалась в фабулаторию Фрэнки.

– Идем! А то опоздаем!

– Уже иду! – откликнулась Фрэнки, как и в предыдущие четыре раза. Хотя на самом деле она хотела сказать, что совершенство не терпит суеты. Ведь костюм, который она демонстрировала Гламуркам, был истинным совершенством. Точнее, должен был стать совершенством, когда она выберет солнечные очки.

– Вот эти, белые, вам нравятся? – Она нацепила здоровенные очки в пластиковой оправе, подбоченилась и выпятила подбородок. – Или лучше зеленые?

Пол был сплошь завален раскиданными шмотками, так что ей было даже неудобно ходить и кружиться перед крысами, особенно в блестящих розовых босоножках на высокой танкетке. Но крысы способны были оценить ее даже не в самой подходящей обстановке. В конце концов, они сотрудничали с ней последние три часа. И получалось у них неплохо. Одно царапанье означало «да», два – «нет». Они помогли ей выбрать маечку в черно-белую полоску и мини-юбку в цветочек. Сочетание разных узоров – это сейчас самый писк моды!

– Так белые или зеленые? – снова спросила Фрэнки.

Трое крыс выдохлись и улеглись, свернувшись комочком. Однако оставшиеся две уверенно выбрали белые. Разумный выбор. Зеленые не очень выделялись на фоне ее кожи, а ей хотелось, чтобы в ее первый день в школе нормалов все в ней бросалось в глаза.

Она собрала свои черные волосы в высокий хвост, намазала блеском пухлые губки и натерла свои шейные контакты образцом «Estee Lauder Sensuous» из журнала. Потому что в рекламе говорилось, что «Каждая женщина носит эти духи, как ей угодно!»

– Ну, Гламурки, пожелайте мне удачи! – Она поцеловала стеклянную стенку клетки, оставив на ней розовый отпечаток губ.

Оставшиеся две крысы тоже свернулись на дне клетки клубочками белого меха и блеск.

– Я готова! – объявила Фрэнки.

Родители стояли у островка из нержавеющей стали посреди кухни, по очереди откусывали от одного батона и торопливо прихлебывали кофе. Очевидно, они тренировались быть похожими на нормалов, потому что вообще-то они, как и Фрэнки, заряжались электричеством и не нуждались в обычной пище.

В их Г-образном доме, с его острыми углами и минималистским пристрастием к белому цвету, царил электрический запах подгорелых тостов и аммиачный запах деловитости. Утреннее солнце било в матовые стекла, пытаясь проникнуть внутрь.

Все было как всегда и в то же время совершенно иначе. Все сделалось таким живым! Веселым! Заряженным! Потому что сегодня Фрэнки впервые в жизни позволят выйти из дома!

– В таком виде ты никуда не пойдешь! – Виктор стукнул белой кофейной кружкой по развернутой газете.

– Фрэнки, где брючный костюм?!

Вивека подошла к дочери. Теперь, когда Фрэнки знала всю правду, она по-новому смотрела на макияж матери, высокий воротник ее серого свитера, черные легинсы и сапоги выше колена.

– Почему ты не накрашена?! – прогремел Виктор.

– Быть зеленым – круто! – процитировала Фрэнки. – Это один из главных трендов нашей эпохи! Кроме того, я горжусь собой и тем, что вы меня создали такой, какая я есть! А если людям не понравится, что я не похожа на нормала, то это их проблемы, а не мои!

– В таком виде ты за порог не выйдешь! – отрубил Виктор. – У тебя все швы и контакты наружу!

– Но, папочка! – С пальцев у Фрэнки посыпались искры. – Ведь брючные костюмы – это кладбище ткани!

Она топнула танкеткой по белому ковру. К несчастью, длинный ворс поглотил звук, помешав ей выразить свое негодование.

– Твой отец прав! – настаивала Вивека.

Фрэнки гневно уставилась на своих родителей, раскрашенных в цвет подрумяненной булочки. Видно было, что они не уступят.

– Переоденься и побыстрее, – потребовал Виктор, – не то мы все опоздаем!

Фрэнки умчалась к себе в комнату. Несколько секунд спустя она вернулась, закутанная в коричневый шарф, с широкими кожаными браслетами на руках. В конце концов, в «TeenVogue» говорилось, что нынешней осенью это обязательные аксессуары!

– Ну вот! – победоносно ухмыльнулась она. – Ни контактов, ни швов не видно! Теперь мы можем идти?

Вивека с Виктором переглянулись и направились к боковой двери, ведущей в гараж. Фрэнки пошла следом за ними в своем высоковольтном прикиде, сияя торжествующей улыбкой. Теперь все будет просто сказочно!

«Бип-бип!» Дверцы черного джипа «Вольво» распахнулись.

– А давайте поедem на «Снобе»! – предложила она. Она очень любила загруженные в нее воспоминания о семейной поездке в парк «Серебряные водопады» и была не прочь повторить это на самом деле.

– Нет, думаю, нам стоит выбрать что-то менее приметное, – возразил Виктор.

– Ну пап, сейчас же очень модно все самодельное! – сказала Фрэнки. – А «Сноб» у нас как раз самодельный, его самоделистость просто бросается в глаза! Вся школа будет в восторге.

– Фрэнки, нет такого слова – «самоделистость»! – сурово отрезал папа. – И хватит уже торговаться!

Поездка в школу оказалась ужасно скучной. Деревья, машины, дома и даже нормалы, которых она видела сквозь тонированные стекла, в реальной жизни выглядели совершенно такими же, как и в ее искусственно сгенерированных воспоминаниях. Круто, конечно, было бы подышать свежим воздухом. Но открывать окна ей строго-настрого запретили, потому что она не была накращена гримом. Так что с этим тоже пришлось обождать.

После двухчасовой поездки черный «Вольво» наконец въехал на территорию школы «Маунт-Худ». Фрэнки решительно не могла поверить, что во всем городе не нашлось школы поближе, но возражать уже не решалась. Родители и так были раздражены, и она опасалась, что еще слово – и она вернется домой.

Почти не обратив внимания на величественную гору на фоне красных и желтых листьев, которые бесцельно опускались на землю, Фрэнки вышла из машины и впервые вдохнула настоящего уличного воздуха. Чистый, прохладный, свободный от формальдегида, он пах как родниковая вода в земляной чаше. Девочка сняла свои белые солнечные очки и запрокинула зеленое лицо к небу. Прямые солнечные лучи беспрепятственно ласкали и согревали ее кожу. Глаза заслезились от яркого света. Или это от радости?

Фрэнки понятия не имела, куда ей идти, но это не имело значения. Как и то, что она никогда прежде не расставалась с родителями. Они дали ей столько знаний и столько уве-

ренности в себе, что девочка не сомневалась: уж как-нибудь не заблудится! А выяснить это будет дополнительным приключением.

Она удивилась, увидев, что территория школы почти пуста. На парковке стояло всего несколько машин. Девочка испытывала искушение спросить у родителей, где же все, но решила этого не делать. А то решат еще, что она не готова к школе!

– Ты уверена, что тебе не нужен грим? – осведомилась Вивека, высунув голову из окна.

– Точно! – заверила ее Фрэнки. Солнце, пригревающее ее руки, заряжало лучше, чем «Кармен Электра». – Увидимся после школы!

Она улыбнулась и отправила родителям воздушный поцелуй, пока их снова не развезло от сентиментальности.

– Удачного возвращения на работу!

– Спасибо! – ответили они, как всегда, одновременно.

Фрэнки зашагала ко входу в школу, втягивая в себя воздух так жадно, словно попала в буфет со шведским столом «дыши, сколько сможешь!». Она чувствовала, как родители провожают ее взглядом через пустынную парковку, но упорно не оглядывалась назад. Отныне ее путь лежит только вперед!

Она взбежала по широкому крыльцу в одиннадцать ступенек, ведущему к двустворчатым дверям. Непривычные к настоящей ходьбе ноги немного ныли, и это ощущение доставляло ей удовольствие. Просто знать – одно дело, а чувствовать – совсем-совсем другое!

Фрэнки на миг задержалась у дверей, чтобы перевести дух, потянулась к ручке, и...

– Уй-я!

Дверь с размаху ударила ее по щеке. Контакты у нее заискрились, она схватилась за ушибленное лицо и опустила голову.

– Ой-ей-ей! Как же это ты? Ты в порядке? – на разные голоса защебетала стайка девчонок. Они обступили ее, как нью-йоркские небоскребы. Свежий воздух вокруг Фрэнки наполнился ароматами полудюжины разных духов, вызвав легкий приступ тошноты.

– Мы не нарочно! – сказала одна из девочек и погладила ее по голове. – Мы тебя просто не заметили... Голова не болит?

Этот дружеский жест показался Фрэнки теплее солнышка. Нормалы такие славные!

– Нет, все в порядке! – Она улыбнулась и подняла голову. – Мне даже не очень больно было, я просто испугалась, понимаете?

Блондинка в желто-зеленом костюме чирлидера отшатнулась.

– Какого Шрека... э, да ты что, и правда Шрек, что ли?

– Слушай, то ли тебя очень сильно укачало в машине, то ли у тебя и в самом деле кожа зеленая? – заметила другая блондинка.

– Это что, прикол такой? – спросила третья, на всякий случай отступая подальше.

– Нет, у меня действительно кожа зеленоватая! – Она застенчиво улыбнулась и протянула руку новым знакомым. Браслет соскользнул, обнажив швы на запястье, но Фрэнки было все равно. Она такая, какая есть. С контактами и со всем прочим. – Я у вас новенькая! Меня зовут Фрэнки, я из...

– Кружка мягкой игрушки? – спросила одна из девчонок, медленно пятясь.

– Монстр! – взвизгнула единственная брюнетка среди них. Она выхватила из лифчика мобилку, набрала 911 и бросилась обратно в школу.

– А-а-а-а-а! – завизжали остальные, размахивая руками так, словно на них накинута целая рой пчел.

– Я же вам говорила, что тренироваться в воскресенье – плохая примета! – всхлипнула одна из них.

Девочки ринулись обратно в школу и принялись подпирать дверь изнутри стульями.

«Воскресенье?!»

Вдалеке послышался вой сирен. К крыльцу подлетел черный «Вольво», из него выпрыгнул Виктор.

– Скорей! – крикнула из открытого окна Вивека.

Растерянная, остоленевшая Фрэнки беспомощно смотрела на бегущего к ней отца.

– Убираемся отсюда, живей! – крикнул он.

Сирены были все ближе.

– Я хотел только преподать тебе урок, – пробормотал он, хватая дочь на руки и неся ее в машину. – Но я не предполагал, что дело пойдет так далеко!

Машина, визжа шинами, вылетела со стоянки и свернула на Бальзам-авеню. Фрэнки разрыдалась. «Вольво» влился в поток автомобилей в тот самый момент, как вереница полицейских машин влетела в школьный двор и окружила школу.

– Вовремя мы успели... – тихо сказала Вивека, и по щекам у нее покатались слезы.

Виктор, не отрываясь, смотрел на дорогу. Его глаза были сурово прищурены, тонкие губы плотно стиснуты. Читать нотации на тему «Мы же тебе говорили!» не было смысла. Как и Фрэнки было ни к чему извиняться и просить прощения. Все было ясно, и все понимали, что всем им следовало бы поступить иначе. Оставался только один вопрос: что делать теперь?

Фрэнки с отвращением смотрела на свое заплаканное отражение в окне машины. Суровая истина была налицо. Она выглядит кошмарно.

Слезы равномерно капали у нее из глаз одна за другой, как будто их делали на конвейере: собирается, катится, падает... собирается, катится, падает... и каждая служила воспоминанием о чем-то, что она утратила. Надежду. Веру в людей. Уверенность в себе. Гордость. Ощущение безопасности. Доверие. Независимость. Радость. Красоту. Свободу. Наивность...

Отец включил радио.

– ...Предполагаемый монстр, появившийся в школе «Маунт-Худ», поверг в состояние паники четырех девочек-чирлидеров...

Да уж, дурные вести не ждут на месте!

– Виктор, выключи это! – попросила Вивека, шмыгнув носом.

– Нам важно знать, много ли им известно, – возразил он, убавляя громкость. – Нужно оценить масштабы катастрофы.

Фрэнки заискрила.

– Расскажите нам, что именно вы видели? – раздался из динамика низкий мужской голос.

– Она была зеленая – ну, по крайней мере, мне показалось, что это была «она». Но точно сказать трудно. Это все произошло так быстро... Только что это существо притворялось человеком – и вдруг оно потянулось к нам, как... как... – голос у девочки задрожал, – как какой-то инопланетя-а-а-анин!

Горе Фрэнки тут же переродилось в гнев.

– Да я просто хотела с ними поздороваться!

– Ну все, все, теперь вы в безопасности, – интервьюер пытался успокоить свидетельницу. – Погодите минутку... – сказал он в микрофон и отключился.

Вернувшись в эфир, он был сама деловитость.

– Впервые монстров видели в Сейлеме в 1940 году, – сообщил он, – тогда на границе Калифорнии с Орегоном была замечена стая волков-оборотней с пакетами из «Макдоналд-са» в зубах. После этого все было тихо вплоть до 2007 года, когда мальчик по имени Билли внезапно начал исчезать на глазах у изумленной публики. И вот теперь в школе «Маунт-Худ» видели зеленого инопланетянина...

Вивека вырубил радио.

– Ну, по крайней мере, искать они будут инопланетянина, а не нас!

Она вздохнула с облегчением.

– Фрэнки, – Виктор перехватил взгляд дочери в зеркале заднего вида, – занятия начнутся во вторник. После Дня труда. И на самом деле ты пойдешь в другую школу. Она называется Мерстонская старшая школа и находится в трех кварталах от нашего дома. Но мы тебя туда не пустим, если...

– Да, я знаю. Я все поняла, – Фрэнки шмыгнула носом. – Я все надену, как вы скажете. Честное слово!

Она говорила правду. Ей больше не хотелось быть зеленой.

Глава 5

Зона, свободная от друзей

Звонок не звенел, а гудел, «би-ип-би-ип», как европейский сигнал «занято». Наступило время обеда. Утренняя церемония начала учебного года в Мерстонской школе официально подошла к концу. Школа перестала быть для Мелоди загадочным и таинственным местом, полным бесконечных возможностей и надежд на лучшее будущее. Совершенно обыкновенная школа, такая же скучная, как и любая другая. Это было все равно, что встретиться в реале с мальчиком, с которым ты познакомилась и долго общалась по Интернету. Реальность никогда не оправдывает фантазий. Все было унылым и предсказуемым и на фотках смотрелось куда лучше, чем на самом деле.

С архитектурной точки зрения, кирпичный прямоугольник горчичного цвета был не интереснее, чем пачка жвачки. Внутри стоял привычный запах пота, карандашей, ластиков и библиотечных книжек, который к двум часам дня твердо обещал перерасти в потно-карандашно-ластиково-библиотечную головную боль. А дурацкие надписи на партах, вроде «УКУСИ МЕНЯ, ЛЯЛЯ!», «ОХ, ЧТОБ Я СДОХ!» или «БОТАН-ДИСТРОФАН», бледнели по сравнению с теми, что она видела в Беверли-Хиллз: те были похожи на объявления на киностудии!

Усталая, голодная, разочарованная, Мелоди, пробираясь сквозь толпу в поисках еды, чувствовала себя как беженка, но беженка продвинутая. В черных джинсах в обlipку (Кандис заставила надеть), в розовой футболочке «Clash» и розовых кедах она чувствовала себя представительницей семидесятых годов в школе, которая все еще одевалась как хиппи из Вудстока. Ее веселенькие розовые шмотки резали глаз среди развевающихся юбок и фланелевых брюк, как будто она по ошибке попала не на тот концерт. И даже ее черные волосы свисали невыразительными жидкими прядями, по милости бутылочки с кондиционером, на которой по ошибке было написано «Шампунь».

Она надеялась, что ее неприступный вид даст понять одноклассникам, что она им тут не «Груша» какая-нибудь. Очевидно, так и вышло, потому что одноклассники ее практически игнорировали. Хотя некоторые мальчишки попроще поглядывали на нее с нескрываемым интересом. Так, будто она – кусок торта на проезжающей мимо тележке с десертами, на который стоит обратить внимание. В некоторых случаях она даже позволяла себе улыбнуться в ответ, делая вид, что они видят именно ее, как ее самое, а не безупречное творение рук ее отца. Она думала, что так было с Джексоном, – но она ошибалась.

Со времени того разговора в Риверфронте приятный парень, который записал для нее свой номер красной пастелью, практически пропал без вести. Мелоди приклеила скотчем его рисунок к бревенчатой стене и вписала его телефон в быстрый набор своего мобильного на букву Д. И даже позвонила ему! Но он ей не ответил. Она разбирала их встречу по косточкам, читала между строк, выворачивала слова наизнанку, пытливо изучала каждый жест и взгляд... но так и не нашла логичного объяснения.

Конечно, разговор был довольно неуклюжий и ходульный. «Но ведь эта скованность – она свойственна нам обоим, разве нет?» Короче, после сорока с лишним часов размышлений Мелоди пришла к выводу: видимо, все-таки во всем была виновата ее неприглядная одежда!

Но тут Кандис рассказала ей про «сыграть умника». Они сидели на крыльце, раскачиваясь на садовых качелях и наслаждаясь последним летним вечером, когда не нужно было делать домашку.

– Да это же классический прием! – объяснила она после того, когда третья подряд эсэмэска, отправленная Джексону, осталась без ответа. – Парень изображает ботана-очкарика,

чтобы втереться в доверие к девчонке. А как только видит, что она на него запала, он, как вольная пташка, берет и исчезает из поля зрения на пару дней. Девчонка начинает беспокоиться и западает еще сильнее. Она начинает чувствовать себя неуверенно. И тут – опа! – Кандис щелкнула пальцами, – откуда ни возьмись, снова появляется он и застаёт ее врасплох. Девчонка так рада, что он жив-здоров и с ним все в порядке, и та-ак счастлива, что она ему по-прежнему нравится, что тут же вешается ему на шею! И вот тут-то, когда дело доходит до поцелуя в диафрагму, он из вольной пташки превращается в... – тут она сделала театральную паузу, – в пташку-какашку! Именуемую также мерзкой букашкой или просто гадом.

– Он вовсе не такой! – обиделась Мелоди, украдкой заглядывая в свой айфон. Но «вольная пташка» молчала. Хоть бы разок чирикнула!

– Ладно, ладно! – Кандис прыгнула с качелей. – Только не удивляйся, если он окажется не таким, как ты думаешь.

Она щелкнула пальцами, объявила:

– Кандис уходит! – и удалилась в дом.

– Спасибо за совет! – крикнула ей вслед Мелоди, гадая, не смотрит ли на нее Джексон из окна своей комнаты. Если нет, то где же он? А если да, то отчего же он не отвечает?

Мелоди заставила себя отвлечься от этих мыслей и вместе с остальными школьниками протиснулась в столовую. Все разбежались по залу, занимать столики. Из динамиков неслось регги в исполнении Джека Джонсона.

Мелоди застряла у киоска, где шла подписка на «Сентябрьский бал» (что бы это ни было), делая вид, что читает объявления о наборе добровольцев, а сама тем временем приглядывалась к местным порядкам. Джексона она до сих пор пока не видела – а должна была бы! Это был первый учебный день, и его мама, госпожа Дж., действительно вела естественные науки. Но он явно ускользнул и от нее тоже.

Острый мясной запах кетчупа и говядины (мясной рулет, что ли?) ошеломил ее даже сильнее, чем четыре отдельных «зоны». «Зоны» отличались друг от друга цветом стульев и художественно разукрашенными рукописными табличками: «ЗОНА, СВОБОДНАЯ ОТ АРАХИСА» была коричневой, «ЗОНА, СВОБОДНАЯ ОТ ГЛЮТЕНА»³ – голубой, «ЗОНА, СВОБОДНАЯ ОТ ЛАКТОЗЫ» – оранжевой, а «ЗОНА, СВОБОДНАЯ ОТ АЛЛЕРГЕНОВ» – белой. Ученики с подносами соответствующего цвета в руках забивали места за столиками, толкаясь так, будто ломились на премьерный показ «Аватара» в IMAX 3D. Заняв себе место, они направлялись к стойке с соответствующей едой, чтобы выбрать себе обед из прописанных диетологом блюд и поболтать с друзьями.

– А у нас в Беверли-Хиллз сделали бы еще одну зону, – сказала Мелоди брюнетке с лошадиным лицом, которая сидела за прилавком киоска. – «Зону, свободную от еды»!

И сама рассмеялась собственной шутке.

Брюнетка насупила свои густые брови и принялась выравнивать и без того ровную стопку бланков.

«Молодец! – подумала Мелоди, отходя в сторонку. – Наверное, для меня устроят еще одну отдельную зону: зону, свободную от друзей!»

Регги закончилось, сменившись чем-то другим таким же старомодным и душевным – кажется, это был «Dave Matthews Band». Мелоди решила, что ей тоже пора сменить пластинку. На худой конец, можно упасть на хвост Кандис. Та сидела в «Зоне, свободной от аллергенов» вместе с двумя другими блондинками и гадала одной из них по руке.

Мелоди двигала по прилавку свой белый поднос, не сводя глаз с последнего куска пиццы с сыром и грибами. Стоящая позади нее парочка держалась за руки и заглядывала

³ Глютен – белок, содержащийся в отдельных злаках, особенно в пшенице. Непереносимость глютена – врожденное заболевание, модное среди людей, заботящихся о своем здоровье.

ей через плечо, высматривая, что повкуснее. Но разговор у них шел не о равиолях с мясом и не о лососевых бургерах. Они говорили о последнем сообщении, которое парень видел в «Твиттере». Если Мелоди правильно расслышала, оно касалось монстра, которого видели в «Маунт-Худ».

– Знаешь, Бек, – говорил мальчик низким, ровным голосом, – хотел бы я поймать этого монстра!

– И что бы ты с ним стал делать? – В голосе девочки звучала неподдельная озабоченность. – А-а, знаю! Ты повесил бы его голову у себя над кроватью. Из рук сделал вешалку, из ног – дверные косяки, а из задницы – подставку для ручек!

– Ни фиги подобного! – отрезал он, как будто обиделся. – Я постарался бы втереться к нему в доверие и написал бы исследование о сезонной миграции монстров!

«Что-что?!»

Мелоди поняла, что больше не в силах делать вид, будто ее не интересует ничего, кроме картофельного пюре с чесноком. Она умирала от любопытства. Мелоди обернулась с надменным видом, как будто хотела заставить замолчать болтунов в кинотеатре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.